

УДК 947.084
ББК 63.3(2)71
Х-73

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, соискатель НИИ истории, экономики и права, г. Москва, e-mail: i.turitsyn@mail.ru

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ И КРИЗИС
ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х годов**
(рецензирована)

В статье исследован процесс эволюции политико-правовых основ регулирования отношений собственности в условиях нэповской России, показаны связанные с этим противоречия экономической политики большевиков, их влияние на текущую экономическую, производственную и социокультурную жизнь россиян.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, общественное сознание, право, отношения собственности, законы Советской России.*

Kholodny Maxim Alexandrovich, Candidate of History, seeker of the Research Institute of the History, Economics and Law, Moscow, e-mail: i.turitsyn@mail.ru

**CONTRADICTIONS OF THE BOLSHEVIK ECONOMIC POLICY AND
THE CRISIS OF PROPERTY RELATIONS IN MID 1920-S**
(reviewed)

The article examines the evolution of the political and legal bases of regulation of property relations in the conditions of NEP Russia, related contradictions of the economic policy of the Bolsheviks and their influence on the current economic, industrial and socio-cultural life of the Russians have been shown.

Keywords: *new economic policy, social consciousness, law, property relations, laws of the Soviet Russia.*

Одним из несомненных достижений исследователей проблем истории НЭПа в постсоветскую эпоху стало воссоздание глубоко противоречивой картины экономических мероприятий большевиков. В отличие от советских научных работ, их усилиями, в частности, убедительно доказано отсутствие по-настоящему продуманной, законченной концепции новой экономической политики. Сегодня вполне очевидно, что, поскольку концептуально единого подхода к пониманию сущности НЭПа разработано не было, выработка текущих экономических решений, программ осуществлялась, по сути, на ощупь. Причем если интересы хозяйственного развития страны требовали последовательного развития частной инициативы, расширения частного сектора и укрепления института частной собственности, то идеологические постулаты, напротив, серьезно сдерживали решение этих назревших задач.

В указанном контексте, в экономической политике большевиков и после эпохи революционных битв преобладало своего рода «ручное управление», с присущими ему «пожарными методами» разрешения неожиданно возникающих хозяйственных трудностей. Так, к примеру, в результате осуществленных масштабных акций по экспроприации собственности основной массы населения, в начале 1920-х годов в руках государства сосредоточились не только наиболее крупные предприятия, но и относительно мелкие объекты, в частности, предприятия кустарного типа. В новых условиях, постановлением СНК РСФСР от 17 мая 1921 года национализация мелких предприятий, на дату принятия постановления еще не изъятых у частных собственников,

приостанавливалась [1]. Далее, в целях их возрождения, такие предприятия денационализировались, передавались в аренду частным лицам.

Не менее тяжелая ситуация, объективно актуализировавшая значение частной инициативы, в первой половине 20-х годов отмечалась и в аграрной сфере. Из эпохи революционных и военных потрясений российская деревня вышла, по сути, нищей. «Судя по единодушным отзывам с мест, при современном положении деревни впору организовать и содержать хотя бы один какой-нибудь кооператив» – констатировали современники, в ряде случаев высказывавшиеся за «универсальные кооперативы, занимающиеся всем понемногу» [2].

На этом фоне значительно более существенное значение все более приобретала частная инициатива, в том числе, арендные отношения. К примеру, уже в апреле 1922 года Керенский уездный земотдел Пензенской области провел торги на сдачу в аренду садов. Причем эти торги вызвали большой интерес крестьян, собрали много участников. В итоге, земотделом было сдано в аренду 34 сада на сумму 14.273 рубля 50 копеек золотом. Вне частного сектора осталось только 3 учебно-показательных сада. В свою очередь, в Чембарском уезде той же губернии в аренду были сданы 25 садов на 36 тыс. рублей золотом. Особенно важно подчеркнуть все же не столько развитие на селе системы арендных отношений, сколько растущее стремление к выделению, обособлению. Как отмечали наблюдатели, к примеру, в Саратовской губернии уже в 1922 году «даже в голодных местах» стремление крестьян «выйти на отруб», «попытки выйти на отруб, создать отдельное хозяйство проявляются с особенной силой» [3].

Несмотря на стихийный рост частной инициативы, безусловно, создававшей прочный фундамент экономического подъема, эти процессы властями не приветствовались. Скорее они вынужденно мирились с ними. Даже для «продвинутых» большевиков, в 1921-1923 гг. НЭП, по сути, не отменял продолжения классовой борьбы пролетарского государства с частной инициативой. Причем эта борьба приобретала различные формы (политические, экономические, правовые и пр.). Идея классовой борьбы доминировала абсолютно (классовые враги не дремлют – вредят, мешают и пр.). В частности, несмотря на нэп, публикации партийно-советской печати последовательно «разжигали и без того накопившуюся у простых людей ненависть к современным богачам»: «Постоянно формировавшийся образ врага – нэпмана будоражил сознание людей» [4]. И лишь время от времени в ней появлялись относительно здравые рассуждения и вполне конструктивные предложения экономического плана [5].

В свою очередь, Земельный кодекс РСФСР 1922 года, хотя и не осуществил национализацию земли, фактически исключил землю из гражданского оборота. После горячих обсуждений, было принято решение сформулировать основополагающую статью кодекса так: «Земля является достоянием общенародным и не может быть предметом частной собственности. Владение землей допускается только на правах пользования» [6]. Избранная формулировка, конечно, не вполне четко отражала факт перехода земли исключительно в собственность государства. Но она почти дословно повторяла статьи «Крестьянского наказа о земле», включенного В.И. Лениным в Декрет «О земле» [7].

Закон, в целом, установил гарантии устойчивости землепользования, точно определил права на землю и ограничил переделы внутри селений, предоставив крестьянам свободу выбора его форм. Вместе с тем кодекс предоставлял ряд преимуществ коллективным формам ведения сельского хозяйства. Одновременно с кодексом в мае 1922 года был издан закон о порядке рассмотрения земельных споров, в соответствии с которым были созданы специальные земельные комиссии для разбора земельных споров (волостные, уездные, губернские и в центре – Высший контроль по спорным земельным делам). Земельные комиссии, хотя и состояли при исполкомах, но фактически действовали в судебном, процессуальном порядке и являлись своеобразными

административно-судебными органами. Установление такого порядка решения земельных споров способствовало укреплению стабильности землепользования, учитывало интересы крестьянства.

Положения Земельного кодекса согласовывались с нормами Гражданского кодекса. Оценивая его нормы о частной собственности, необходимо иметь в виду, что допущение частной собственности в РСФСР в процессе проведения новой экономической политики совершалось партией, которая руководствовалась идеями революционной ломки прежнего строя и, в силу этого, не могла допустить существование частной собственности без существенных ее ограничений.

Тем не менее, надо обратить внимание на то, что оставшаяся в руках государства подавляющая масса национальной собственности выступала в обороте в формах свойственных капиталистической частной собственности. Помимо частной собственности, ГК РСФСР также различал государственную (национализированную, муниципализированную) и кооперативную собственность. Подобное наличие в экономической стратегии большевиков эклектичного сочетания различных укладов, с неизбежностью усиливало ее противоречивость. Очевидное противоречие мы видим в политике, проводимой властями и в городе, и в деревне. Так, на XIII партконференции, а также на последующем XIII съезде РКП(б) в мае 1924 года господствующими были темы союза рабочего класса с крестьянством, торговли, финансовой стабильности. Но на их фоне признания получила также идея необходимости «усилить плановое начало» [8].

Наиболее существенные меры в поддержку крестьянства большевиками были предприняты в 1925 году. Причем они были направлены на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их социальным расслоением, развивать свое индивидуальное хозяйство. Для этого, в частности, был продлен срок земельной аренды с 6 до 12 лет, облегчены условия найма работников и т.д. при одновременной борьбе с излишне частым перераспределением земли, типичным для общины. Началась широкая поддержка самых разнообразных форм кооперации: торговой, кредитной, сельскохозяйственной. В кооперации могли равноправно участвовать все: крестьяне и ремесленники, зажиточные и бедные [9]. Значительную роль в защите прав крестьянства в это время начала играть учрежденная в 1922 году прокуратура [10].

В данных условиях принципиально важное значение приобрел вопрос о собственности. В середине 1920-х годов он провоцировал широкие дискуссии и в отечественной печати, и в прессе русского зарубежья.

К примеру, Н. Бухарин на дискуссии о судьбах русской интеллигенции 10 марта 1925 года, остро критикуя приверженность населения идее частной собственности, общее значение этой нормы для правосознания здоровой части населения, отмечал: «Вы говорите затем о добродетельной учительнице, которая голодала. С известной точки зрения это определяет ее квалификацию, но это к делу имеет мало отношения. В лучшем случае она боролась с царским режимом, но не выходила из круга тех понятий частной собственности, которые существовали. Почему, когда пролетариат посягнул на частную собственность, она не пошла с ним? Потому, что она отражала идеологию среды» [11]. Парируя этот тезис, В. Сухомлин, в свою очередь, заметил: «Это явный вздор. В вопросе о «собственности» небошевистская трудовая интеллигенция была просто культурно и экономически грамотнее большевистской и понимала, что те способы упразднения частной собственности, которые были в ходу в 1918-1921 годах (грабь награбленное, «заградительные отряды», всевозможные «изъятия», разбазаривания, раскулачивания и весь так называемый «военный коммунизм») вели не к созданию высшего хозяйственного строя, а к хозяйственному умиранию страны и возрождению нового хищничества» [12].

Очевидно, что во второй половине 20-х годов перед страной встала не только проблема выбора стратегии дальнейшего социально-экономического и политического развития, но и проблема правового и нравственного выбора. Объективной предпосылкой тому стало завершение

восстановления к 1925-1927 годам разрушенного народного хозяйства. Именно в это время были, в основном, достигнуты довоенные показатели уровня экономического развития (1913 года).

Ответа на принципиально значимые вопросы повседневно требовала и текущая практика. В частности, преодолевая товарный голод, страна оказалась перед вызовом приоритетного развития системы внутренней торговли. Ответом на него стало создание в 1924 году Наркомата внутренней торговли СССР. Тем самым Советское государство фактически ставило своей задачей вытеснение частника из торговли. Однако этот курс принимался вполне критично даже многими руководителями советской экономики. К примеру, одним из «исключений» в этом вопросе был председатель ВСНХ Ф. Дзержинский, не разделявший мнение о том, что частника нужно вытеснять из торговли. Он возмущался создаваемыми препятствиями частной торговле, считая ее необходимой для населения, особенно для крестьян. Как писал Н. Валентинов (Н. Вольский), на открытии Всесоюзного съезда местных «торгов» 1 апреля 1925 года Дзержинский доказывал прямо обратное: «наша задача – полное использование частного капитала, отнюдь не ставка на его уничтожение, о чем упорно многие думают. Я против частного капитала в большом и даже среднем опте, но считаю, что без низового частного торговца нам никак сейчас обойтись нельзя... Прогрессом является каждый торговый пункт, появляющийся там, где ныне нет и признаков торговли, откуда нужно за 20-25 километров ехать для покупки фунта сахара или бутылки керосина. Наша торговая сеть до ужаса малочисленна. До войны вне городов, вне городского вида поселений, было 320 тысяч разных мест продажи, пусть самых примитивных, считая, в том числе, продажу с лотка на базарах. А теперь во многих местах ничего нет» [13].

Отсутствие концептуального единства экономической стратегии большевиков практически ежедневно рождало противоречия и в сферах социальной, правовой, социокультурной.

К примеру, в законодательстве этого времени можно явно выделить две ведущие тенденции. Первая – укрепление всевластия государственных структур, партийно-советской бюрократии. Вторая – периодическая актуализация курса на защиту прав граждан [14].

Это противоречивое единство отразилось в принятом в 1926 году новом Уголовном кодексе. Обращение к нему показывает, что, в отличие от Уголовного кодекса 1922 года, в нем отмечалось общее снижение репрессии по целому ряду преступлений. Уголовный кодекс в редакции 1926 года сократил максимальный срок лишения свободы и, к тому же, в целом ряде одних статей понизил предельный срок, а в ряде других (более чем в 50 новых случаях) ввел вместо лишения свободы принудительные работы без содержания под стражей. В связи с общей тенденцией УК 1926 г., можно констатировать заметное снижение в нем репрессии и за имущественные преступления. При этом была ограничена и практика применения расстрела. В плане реализации принципа гуманизма весьма показательным следует также считать манифест второй сессии ЦИК СССР от 15 октября 1927 года, в соответствии с которым, к смертной казни приговаривались лишь лица, виновные в государственных воинских преступлениях и вооруженном разбое [15].

Однако приведенный пример являет собой одно из последних проявлений ориентации на более «мягкий» вариант внутривластного курса. После июльского пленума 1926 года в СССР начался постепенный процесс сворачивания НЭПа, еще медленный и осторожный, но вполне ощутимый. Особенно заметны новые тенденции оказались в усилившейся в прессе антинэпмановской и антикулацкой риторике. В газетных заметках и журнальных статьях все больше места занимали сообщения о вытеснении и ликвидации частного капитала. Сведения о его допущении и регулировании отсутствовали. На первый план выходили материалы и суждения, призванные осветить негативные черты деятельности нэпманов, проиллюстрировать их исключительно хищническую природу, противозаконную практику, отрицательное влияние на процесс формирования советского общества [16].

Ограничивая частный сектор, подрывая основы частной собственности, страна стремительно двигалась навстречу товарному «голоду», в том числе, продовольственным затруднениям. В то же самое время происходило формирование новой системы управления, ориентированной не столько на частную, сколько на государственную инициативу. В конце 1927 года, в десятую годовщину революции, сначала ЦК ВКП(б), а затем съезд партии решили дать директивы по составлению пятилетнего плана развития всего народного хозяйства. Первые директивы по планированию обходили наиболее острые проблемы и рекомендовали добиваться максимума пропорциональности и сбалансированности между различными отраслями и потребностями народного хозяйства: накоплением и потреблением, промышленностью и сельским хозяйством, тяжелой и легкой промышленностью и т.д. [17].

План экономического развития из плана-прогноза превращался в план-директиву, план-закон. А поскольку порядок планирования отличался крайним несовершенством, повседневное «ручное» управление приобретало в советской России ведущее значение. При этом отличительной особенностью советской экономической политики все более становилось постоянное уточнение и изменение правил экономической жизни. Как отмечал в данной связи А. Трайнин: «Ни одно законодательство в мире не отличается такой динамичностью, как законодательство советское: оно в постоянном движении и развитии» [18]. В общественном сознании это, в свою очередь, рождало растущую пассивность, все более закреплявшуюся политикой подавления свободы экономической инициативы.

Литература:

1. Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых Постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации: декрет СНК РСФСР от 17.05.1921 // СУ РСФСР. 1921. №48. ст. 240.
2. Григоров А. Машинизация сельского хозяйства в Пензенской губернии // Крестьянское хозяйство. 1922. №5.
3. Зотова А.В. Хозяева и «хозяйчики» в Петрограде-Ленинграде в годы НЭПа (по материалам периодической печати 1920-х гг.). Санкт-Петербург: Полторак, 2010. 12 с.
4. Турицын И.В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияния (1921-1929 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. Армавир, 1998. 267 с.
5. Раевич С.И. Гражданский Кодекс РСФСР (История). Энциклопедия государства и права. В. 2. Т. 1. Ст. 703. Москва, 1925.
6. Декрет о земле: принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917 // СУ РСФСР. 1917. №1. Ст. 3.
7. Турицын И.В., Пустынников А.Ю. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922-1925 гг. // Современная научная мысль. 2013. №4. С. 100-111.
8. Бухарин Н.И. Путь к социализму // Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 104.
9. Сухомлин В. Политические заметки // Воля России. 1926. №11. С. 158.
10. Валентинов Н.В. Революция и аграрная программа социалистов-революционеров. Москва: ПСР, 1917. 63 с.
11. Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях НЭП (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №4. С. 114-115.
12. Манифест второй сессии ЦИК СССР от 15 октября 1927 года // СУ РСФСР. 1927. №110. Ст. 737.
13. Турицын И.В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияния (1921-1929 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1999. 21 с.
14. Трайнин А. Десятилетие Советской власти. Обзор законодательства // Право и жизнь. 1927. Кн. 8/10. С. 44.

References:

1. *On the abolishment, suspension and revision of certain Resolutions of small and cottage industries and handicrafts and rural and economic cooperation: decree of the CNC of the RSFSR of 05.17.1921 // SU RSFSR. 1921. № 48. Art. 240.*
2. *Grigorov A. Mechanization of agriculture in the Penza province // Farm. 1922. № 5.*
3. *Zotova A.V. The owners and "proprietors" in Petrograd-Leningrad during the NEP (on the materials of the periodical press of the 1920-s). St. Petersburg: Poltorak, 2010. 12 p.*
4. *Turitsyn I.V. The Soviet government and the Russian press: the problem of the relationship and interaction (1921-1929): dis. ... Dr. of History. Armavir, 1998. 267 p.*
5. *Raevich S.I. The Civil Code of the RSFSR (History). Encyclopedia of State and Law. B. 2. V. 1. Art. 703. Moscow, 1925.*
6. *Decree on Land: adopted by II All-Russian Congress of Soviets of the RSFSR 10/27/1917 // SU. 1917. № 1. Art. 3.*
7. *Turitsyn I.V., Pustynnikov A.Y. On the priorities of the Soviet prosecutor's office in 1922-1925// Modern scientific thought. 2013. № 4. P. 100-111.*
8. *Bukharin N.I. Way to Socialism // Selected Works. Novosibirsk, 1990. P. 104.*
9. *Sukhomlin B. Political Notes // Will of Russia. 1926. № 11. P. 158.*
10. *Valentinov N.V. The revolution and the agrarian program of the Socialist-Revolutionaries. Moscow: AKP, 1917. 63 p.*
11. *Turitsyn I.V., Dubinin M.G. Main problems of implementation of the Soviet judicial reform under the NEP (1922-1925) // Modern scientific thought. 2013. № 4. P. 114-115.*
12. *The Manifesto of the second session of the Central Executive Committee of the USSR on October 15, 1927 // SU RSFSR. 1927. № 110. Art. 737.*
13. *Turitsyn I.V. The Soviet government and the Russian press: the problem of the relationship and interaction (1921-1929): abstract. Dis. ...of History. Moscow, 1999. 21 p.*
14. *Trainin A. A decade of Soviet power. Review of the legislation // Law and life. 1927. B. 8/10. P. 4.*